

“Верни меня“ (Коренблит – Садовский)

1. Во сне	– 1.17
2. Поезд	– 2.15
3. Мои сокровища	– 1.24
4. Ты как жасмин	– 1.44
5. Ничего не понимать	– 1.27
6. Часы считают миги	– 2.00
7. Морозные узоры	– 1.25
8. Это было наяву	– 1.11
9. Новогодний самовар	– 1.19
10. Снегурка	– 1.32
11. Февральская революция	– 1.40
12. Свидание	– 1.37
13. Разочарование	– 2.52
14. Слепые музыканты	– 1.32
15. Всё равно	– 1.20
16. Пьяницам	– 1.20
17. Две души	– 2.18
18. Грустно мне	– 1.34
19. Не спится мне	– 1.47
20. Как призраки	– 1.40
21. Верни меня	– 1.19
22. Вопросы	– 1.13
23. Сердце стальное	– 1.27
24. Уходит жизнь	– 2.01
25. Свечи	– 1.51
26. Помилуй нас, Боже	– 2.07
27. Только вьюга	– 1.51
28. Созвездья	– 1.23

Общее время звучания – 46.26

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВО СНЕ

Видел я во сне
Сумрачный вокзал.
В розовом огне
И буфет? и зал.

Пусто всё вокруг
Мы с тобой одни.
Воротились вдруг
Молодые дни.

На груди цветы,
На столе вино.
Отвернулась ты
И глядишь в окно.

С грохотом в окне
Катится гора.

Говоришь ты мне:

«Подали. Пора».

2. ПОЕЗД

Уж поезд, обогнув вокзал,
Шипел и ждал, как змей крылатый,
Когда, застенчивая, в зал
Походкой скромною вошла ты.

Улыбки свежей серебро
В румяных розах затаилось,
И страусовое перо
Над черной шляпкою струилось.

Ты чай рассеянно пила,
Но синий взор смотрел всё строже,
И в этот миг ты мне была
И жизни, и мечты дороже.

Свисток прощальный жадно взвыл,
И, медленно плывя в пространство,
Я понял вдруг, что полюбил
Со всем упорством постоянства.

За мной глаза твои цвели,
Лучился тихий свет улыбки,
А между тем вагоны шли,
Уверенны и мерно-зыбки.

Как грустно под колесный гром
Любимое лицо мелькнуло,
Как серебристое перо
Любовно к черной шляпе льнуло.

3. МОИ СОКРОВИЩА

В расцвете чистых первых дней
Я сердце жадно расточал
И всем дарил, кого встречал,
Сокровища души моей.

Я думал, щедростью до дна
Моя душа истощена
И не осталось больше в ней
Ни нежных перлов, ни камней.

Но только свой последний клад
Я захотел тебе отдать,
Гляжу — душа полна опять,
Опять я щедр, опять богат.

Нет, вдохновений глубины
Не исчерпала грудь моя,
Мои сокровища полны,
И множит их любовь твоя.

4. ТЫ КАК ЖАСМИН

Ты как жасмин. Любимый мой цветок,
Томящий сердце вкрадчиво и сладко.
Он опьяняет, как волшебный ток,
В нем нега томности, в нем страсти лихорадка.

О нет, недаром схож жасмин с крестом:
Неодолима девственная сила
И в тонких лепестках, и в венчике густом,
Как золотое папское кадило.

Не от него ль, скажи, душистых, чистых рос
Живые брызги с летних зорь летели,
Чтоб золотом чуть видимых, волос
Вдруг заблестеть на нежном этом теле?

Не умертвит его холодный май,
Июнь его хранит, ленивый и счастливый.
Благоухай, любовь, благоухай:
Ты и жасмин, жасмин и ты — мои вы.

5. НИЧЕГО НЕ ПОНИМАТЬ

Июньский вечер; подо мной
Зарос орешником овраг.
Я останавливаю шаг.
Яснеет даль, слабеет зной.
Ручей бормочет. Глушь и дичь.
С обрыва видно далеко.
И вот уж, кажется, легко
Непостижимое постичь.

Июньский вечер, аромат
То земляники, то грибов,
Полет и крики ястребов.
Прозрачен розовый закат.
Оса запуталась в траве.
И вот уж пусто в голове,
И пустоте моей я рад.

Да разве можно жизнь постичь,
Когда рассудок слеп, как сыч?
Ему не внятен вечный миг.
Куда умней в лесу стоять,
И слушать ястребиный крик,
И ничего не понимать.

6. ЧАСЫ СЧИТАЮТ МИГИ

Каминных отблесков узор
На ткани пестрой шторы,
Часов бесстрастный разговор,
Знакомых стен узоры.
Поет усталый самовар.

На полках дремлют книги.
За шторой — стынет зимний пар.
Часы считают миги.

Часы бегут, часы зовут,
Твердят о бесконечном.
Шум самовара, бег минут,
В душе — тоска по вечном.
За шторой — льдистых стекол мрак.
В туманной мгле мороза
Полозьев скрипы, лай собак,
Кряхтенье водовоза.

Откинуть штору или нет?
Взглянуть или не надо?
Там шорох мчащихся планет,
Там звезд лазурных стадо.
Нет, не хочу. Здесь у меня
Знакомые узоры
И те же отблески огня
На ткани пестрой шторы.

7. МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

Серебристые, резные
Переливы на стекле.
То пушистые, сквозные
Чайки перья вырезные

Распластали в белой мгле.
Как воздушны эти крылья
На сияющем окне!
Но недвижны их усилья:

Истомясь тоской бессилья,
Стынут чайки в белом сне.
Будто звездные осколки
Мерзнут в искрах голубых.

Уж не чайки это: елки
Ткут морозные иголки,
Ткут узор ветвей седых.
Меркнет. В сумеречной ласке

На лазоревом стекле,
Сквозь гирлянды белой сказки,
Как глаза в прорезах маски,
Звезды светятся во мгле.

8. ЭТО БЫЛО НАЯВУ

Не любовь ли нас с тобою
В санках уличных несла
В час, когда под синей мглою
Старая Москва спала?

Не крылатый ли возница
Гнал крылатого коня
В час, когда спала столица,
Позабыв тревогу дня?

Помню иней над бульваром,
В небе звездные рои,
Помню веющие жаром
Губы алые твои.

У часовни подле кружки
Слабый огонек мигнул.
Занесенный снегом Пушкин
Нам задумчиво кивнул.

Под веселый свист метели
Месяц серебрил Москву.
Это было в самом деле,
Это было наяву.

9. НОВОГОДНИЙ САМОВАР

В мире сказочного гула
Пара мерные струи.
Льдом зеркальным затянуло
Окна синие мои.

Чай с вареньем пьется сладко,
Книга ровно шелестит.
Не заправлена лампадка:
Богородица простит.

Вижу: лапы белых елей
Кротко смотрятся в окно,
За окном былых метелей
Серебрится полотно.

Стихло сердце. Только горы
Голубого хрусталя
Рядит в звездные узоры
Отрешенная земля.

Я забылся, я спокоен.
Всё узоры, гул и пар.
В Новый год, как отрок строен,
Закипай, мой самовар!

10. СНЕГУРКА

В небе бисерные блески,
На морозе огоньки.
Стыннут елочки, киоски.
Я принес твои коньки.

В шубке ты проворней белки.
Фонари мерцают в грелке.
Подвяжу тебе коньки я.
Ножки стройные легки.

С белой муфтой, в платье сером,
Ускоряя верный ход,
Ты помчалась с кавалером
Разрезать звездистый лед.

Стынут лавочки и елки,
Вьются снежные иголки.
Одинокий на катке я.
Ты летаешь вдалеке.

Ты Снегурка, дочь Мороза,
На железных башмачках.
Счастье — сказочная греза
В голубых твоих зрачках.

Стынут елочки, киоски,
В небе искры, в небе блески.
Небо блещет огоньками,
Мелодичен ход конька.

11. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Дням, что Богом были скрыты,
Просиять пришла пора.
Опусти свои копыты,
Гордый конь Петра!

Царь над вещей крутизною
Устремлял в просторы взгляд
И указывал рукою
Прямо на Царьград.

Мчатся некуда нам ныне:
За обильные поля
Отдала простор пустыни
Русская земля.

Посреди стальных заводов
И фабричных городов,
Мимо сел и огородов
Бродит конь Петров.

Просит он овса и пойла,
Но не видно седока,
И чужой уводит в стойло
Дряхлого конька.

12. СВИДАНИЕ

Вижу: ты сидишь в постели,

Распустила волоса.
За стеною свист метели
И колдуний голоса.

Ждет метла тебя у печки,
И камин разинул рот.
У совы глаза как свечки.
Ощетинил спину кот.

Ты поёшь. Глухой истомой
Песня тайная звучит,
Птицей черной и знакомой
К моему окну летит.

Но, вернувшись утром, знаю,
Ты невинно отдохнешь
И к родительскому чаю
Скромной девочкой сойдешь.

13. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Полдневный зной настал. Дорога нелегка.
Несу с усилием слабеющее тело,
Как будто голову мне давят облака,
Как будто подо мной земля отяготела.

По листьям золотым отцветшая весна
К долине сумрачной низводит путь отлогий.
Иду, и ни любовь, ни радости вина
Не озаряют дум божественной тревогой.

Любить? Но женщины ничтожны, как цветы,
А наслаждение напрасной длится мукой:
В чужих объятиях мгновения пусты,
Взлелеянные холодом и скукой.

На книги ли взгляну: как скучные пески,
Пыль библиотеки, иссохшее болото,
Где мысли старые кричат, как кулики,
Но валится ружье и тяжела охота.

Перегорев душой, я время провожу
В уютной праздности; ни весел, ни печален,
В пустыне легких дней, как ветер я брожу
Стучать под окнами чужих счастливых спален.

Мой идеал – покой. О, если б я встречал
Все ночи в комнате лазоревой и мирной,
Где б вечно на столе томился и журчал
На львиных лапках самовар амфирный!

14. СЛЕПЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Их было пятеро. На скрипках пели двое,
К ним флейта жалобно звала под барабан.

Последний, сумрачно пред контрабасом стоя,
Визгливую тоску закутывал в туман.

В невидящих глазах за синими очками,
В углах недвижных губ как будто смех стоял.
Как струны горестно томились под смычками,
Как глухо барабан над флейтою рыдал!

Я глянул в зеркало: улыбка та же стыла
В морщинах моего увядшего лица,
А скрипки плакали гнусливо, флейта ныла,
И скуке не было конца.

15. ВСЁ РАВНО

Не мог я жизнью овладеть
И счастье сжег в разгуле диком.
Вот почему, не в силах петь,
Зову любовь звериным криком.

Зову — и недвижим сижу,
Вертепа хмурый завсегдатай.
Глазами мутными гляжу
На мир мой, вещей и заклятый.

Всё те же винные пары...
И полусознанным обманом
Они до утренней поры
Дают зажить болящим ранам.

Уйду ль, вернусь ли — всё равно.
На синем небе блещет Веста,
Но сердцу ты чужда давно,
Моя любовь, моя невеста.

16. ПЬЯНИЦАМ

Вы прозябали в мутном полусне
Бесцельно-хмуры, безразлично-кротки,
Как узники в окованной колодке,
Как мухи зимние в двойном окне.

Мир колебался в буре и в огне,
А вы гроши считали у решетки.
Не верили ни солнцу, ни весне,
Но веровали твердо в рюмку водки.

Трухлявые, с водянкою в крови,
Без веры, без надежды, без любви
По жизни вы прошли неверным звуком.

Какая кара ожидает вас,
Как страшен будет ваш последний час,
Каким обречены вы вечным мукам!

17. ДВЕ ДУШИ

Холодный, мутный чад в усталой голове.
Сомненья горькие в рассудке ослабелом.
Во мне жила душа, — теперь их две,
И обе властвуют над побежденным телом.

Когда белеет день над городом глухим,
По снежным улицам брожу я одиноко,
И мрачный, бледный дух,
Чуть видимый как дым.

Вперяет в сердце мне недремлющее око.
И, очарованный, без воли и без сил,
С сознанием сдавленным, противоречий полон,
Я медленно иду, — и где бы ни бродил,
Всё взор его на мне, — и как тяжел он!

А ночью в грозной тьме растет немой призыв
Другого демона, — и в сердце бьет тревога:
Мне страшен новых дней неведомый прилив,
Гнет неизбежности и призрак Бога.

Так дни жестокие, без цели, как во сне,
И ночи черные в страданьи одиноком
Я тщетно провожу, — и угрожают мне
Два духа — две души — неумолимым оком.

18. ГРУСТНО МНЕ

Грустно мне, грустно мне
Полночью глубокой
На чужой стороне,
На постели одинокой.

Снова думы пришли.
Тяжело на свете.
Слышу: поднялся вдали
Буйный, дикий ветер.

То над улицей вздохнет,
То в трубе продышит,
Гневно вывеску тряхнет,
Пробежит по крыше.

Бледный, бледный встал в окне
С песней похоронной.
Легче мне, легче мне
Под его глухие стоны.

Воет ветер, как пес.
В сердце тихо, тихо.
То ль тоску мою унес
Буйный, дикий вихорь?

Это он, это он,
Песней стародавней
Нагоняя краткий сон,
Постучался нежно в ставни.

19. НЕ СПИТСЯ МНЕ

Пробило три. Не спится мне.
Вставать с постели нет охоты.
Луна на трепетной стене
Рисует окон переплеты.

Обоев дымчатый узор
Дает таинственные знаки.
В немую тишь кидаю взор,
Ищу ответа в сонном мраке.

Жизнь обесценена, как миг.
Вчера прошло, а завтра будет.
О, если б разум мой постиг
Тот страшный смысл, что сердце будит!

Но тщетно ждать. В раздумья час,
Я знаю, сердце не ответит.
Одной луны холодный глаз
Мою мечту поймет и встретит.

Бледнеет мрак. Луна зовет.
Пусть до утра тоска продлится!
Я всё предвижу наперед,
И сердце бездны не боится.

20. КАК ПРИЗРАКИ

Нет, этот сон не снится
Как искуситель-змея,
Он вечно шевелится
На дне души моей.

В нем солнца взор лучистый,
В нем голубая тишь.
Над гладью золотистой
Сияющий камыш.

Забытые дороги,
Родные берега,
Волшебные чертоги,
Веселые луга.

Младенчество и детство
Волнуются в груди.
Былых веков наследство
Кивает мне: гляди.

И в мимолетных взорах

Оно пережито,
Как призраки, которых
Не воплотит никто.

21. ВЕРНИ МЕНЯ

Верни меня к истокам дней моих.
Я проклял путь соблазна и порока.
Многообразный мир вдали затих,
Лишь колокол взывает одиноко.

И в сердце разгорается заря
Сияньем не вечернего светила.
О, вечная святыня алтаря,
О, сладкий дым церковного кадила!

Заря горит всё ярче и сильнее.
Ночь умерла и пройдены мытарства.
Верни меня к истокам первых дней,
Введи меня в немеркнувшее царство.

22. ВОПРОСЫ

Что ты, мальчик, робко жмешься
К матери своей,
Отчего не улыбнешься
Ей?

Звезды там, а здесь мигают
Дымные огни,
И бегут и убегают
Дни.

Вьются, легкие, как шутка,
Звезды в вышине,
Но боишься ты и жутко
Мне.

Там лазурью голубою
Небо залито.
Кто же проклял нас с тобою,
Кто?

23. СЕРДЦЕ СТАЛЬНОЕ

Сердце стальное не бойся мороза:
Всем ты стихиям равно недоступно.
Смерти не знает увядшая роза.
В чем ты виновно и чем ты преступно?

Жалость и нежное счастье напрасно
Светоч к тебе подносили дрожащий.
Жгла, раскаляя, любовь тебя страстно:
Страсть не расплавила стали шипящей.

Пусть, умоляя святыми глазами,

Милые тени, как прежде, восстали:
Ты не заплачешь живыми слезами,
Сердце холодное, сердце из стали.

Лишь сладострастия пламя больное
Жалом змеиным ласкает любовно
Сердце холодное, сердце стальное.
Нет, не преступно оно, не виновно.

24. УХОДИТ ЖИЗНЬ

С тех пор как стало всё равно,
Тоска души моей не гложет.
Я знаю — это суждено,
И будет, и не быть не может.

И всё мне грезится тот час,
Когда, перед погасшим оком,
В томленьи диком и глубоком
Зажжется свет в последний раз.

И каждый день чертой недвижимой
Мне предстает земной конец.
Не человек и не мертвец
Я — некто странный, неподвижный.

Еще в глаза мне бьется день,
Зеленым сумраком плывущий,
А уж могильных крыльев тень
Меня одела смертной кущей.

Уходит жизнь, как легкий дым,
В сознании страха и обиды,
Лишь возглас первой панихиды
Мирит умершего с живым.

25. СВЕЧА

Я дунул на свечу. Один, в немой постели,
Внимая тишине задумчивой, молчу.
А мысли в черный мрак как птицы полетели:
Который уж я раз гашу свою свечу?

Вчера гасил ее, а меж вчера и ныне
Что было? — Ничего. Осталось что? — Ничто.
О, где вы, вихри слов, и образов, и линий,
И кто уловит вас, и возвратит вас кто?

И чем наполнит жизнь свой жуткий промежуток
От этой нынешней до завтрашней свечи.
Что ждет меня и мир в пролете беглых суток,
В бездонной вечности? О, сердце, замолчи!

А думой огненной к одной заветной цели,

К одной родной мечте безумствуя лечу:
Когда ж, в последний раз простершись на постели,
Мне суждено задуть последнюю свечу?

26. ПОМИЛУЙ НАС, БОЖЕ

Времени тайный размах никому не известен,
Но я не верю, что был он всегда одинаков.
Время коварно, один только маятник честен,
Раб безусловный условно поставленных знаков.

Может быть, сутки то легче бегут, то тяжеле.
Ритма земли не дано ни узнать нам, ни смерить.
Вместе ведь с ней мы летим к ослепительной цели.
Стрелкам часов поневоле приходится верить.

Видно, крылатый Сатурн, когда был помоложе,
Юную Землю проворнее мчал небесами.
Но и Сатурн утомился. Помилуй нас, Боже,
Если Земля остановится вместе с часами.

27. ТОЛЬКО ВЬЮГА

Над усадьбой занесенною
Осторожная луна.
По сугробам дымкой сонною
Расплывается она.

Кто там ждет-переминается
У высокого крыльца,
За калиткой дожидается,
Не слышать ли бубенца?

Кто на снег из окон полосы
Голубого света льет,
Для кого знакомым голосом
Домовой в трубе поет?

Над затихшими усадьбами
Сосчитать ли, сколько раз
Разрешалось время свадьбами
В заповедный этот час!

Пело счастьем, зрело силами,
А теперь в сугробах спит.
Только вьюга над могилами
Заливается-свистит.

28. СОЗВЕЗДЬЯ

Отчего всю ночь созвездья
Смотрят пристально на нас,
Будто чувствуют день возмездья
И угадывают час?

Звезды помнят Божье слово,

Ждут карающего дня,
Что сойдет на землю снова
В бурном пламени огня.

Каждая звезда — обитель.
В той обители твой дом,
Царства будущего житель,
Раб, оправданный судом.

Наступает срок возмездья,
День огня, конец борьбы,
И ревнивые созвездья
С нетерпеньем ждут трубы.